

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

КВИТКО-ОСНОВЬЯНЕНКО

ПАМНА СОТНИКОВНА

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ

ИСТОРИЯ

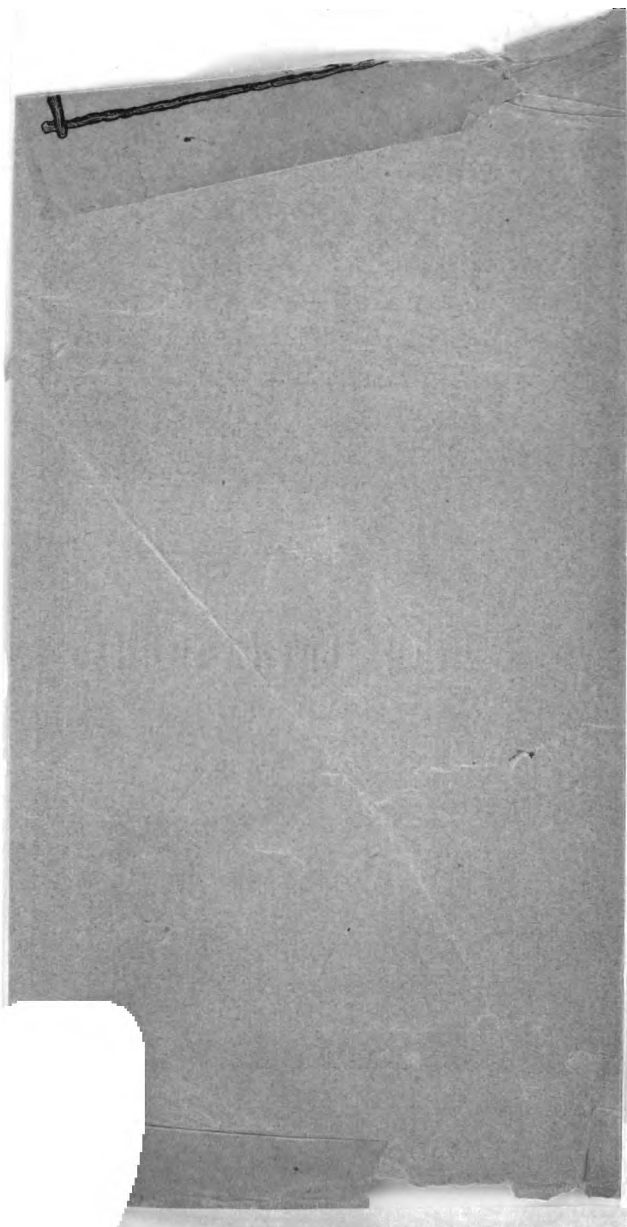
ПОЭЗИЯ

РОМАНЪ

PRINTED IN RUSSIA

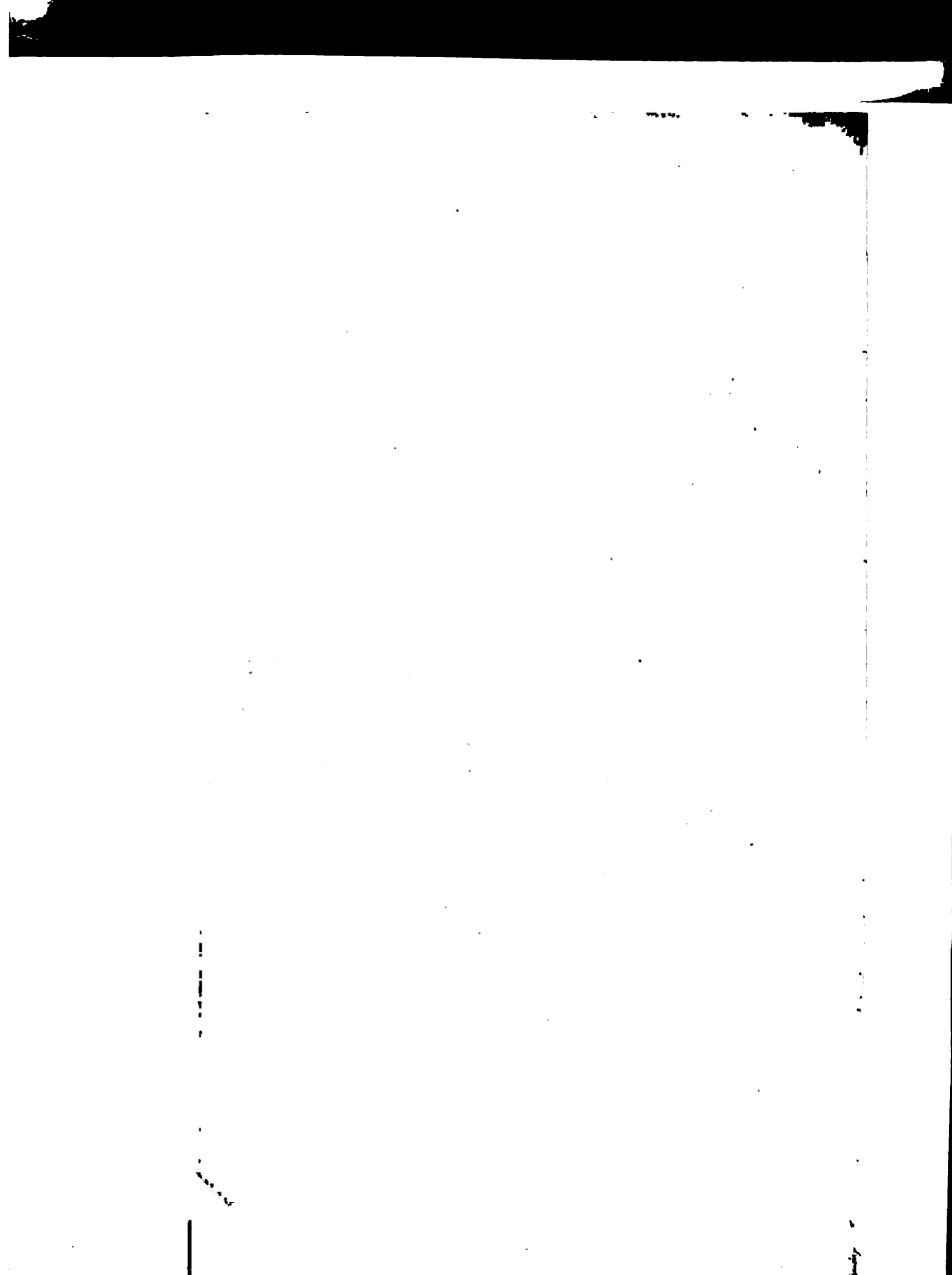
Изданіе А. С. СУВОРИНА

ОСТ 10 1967 91К

ПОСВЯЩАЕТСЯ
АННѢ ГРИГОРЬЕВНѢ
КВИТКѢ

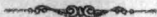
№ — ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА — 251

КВИТКО-ОСНОВЬЯНЕНКО

С. С. Суворина

ПАННА СОТНИКОВНА

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

PG
3337
IK95
P3

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 октября 1893 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПАНА СОТНИКОВНА.

Истинное происшествіе.

Въ сотенномъ мѣстечкѣ Тарановѣ, Харьковскаго козацкаго Слободскаго полка, въ домѣ пана сотника, въ такъ, по-тогдашнему, называемой «большой хатѣ», въ ясный морозный день, сидѣла у окна дѣвушка и прилежно занималась работою. Передъ нею лежало нѣсколько церковныхъ пеленъ, епитрахиль, поручей и другихъ вещей, старыхъ и истертыхъ. Дѣвушка со всею заботливостію выбирала, отбирала, подбирала одно къ другому; и когда изъ двухъ или трехъ обрывковъ могло составиться что нибудь одно цѣлое, тутъ удовольствіе показывалось на лицѣ ея; она естѣяла себя крестнымъ знаменіемъ, взглядывала къ образамъ, у коихъ теплилась лампада, съ умиленіемъ цѣловала крестикъ, нашитый на которой либо вещи, почтимаею ею, и принималася шивать ихъ. Отъ ранняго утра она не покладала

рукъ, такъ спѣшила съ своею работою, и хотя передъ нею лежала еще порядочная куча ветоши, но и въ сторонѣ, на столикѣ, покрытомъ чистою скатертью, лежало еще болѣе отдѣланныхъ и вычищенныхъ ею, подшитыхъ, сшитыхъ, порядкомъ сложенныхъ и накрытыхъ другою скатертью вещей. Отдѣлывая какую пелену или покроецъ, она, сложивъ его, клала въ кучу подъ скатерть и думала: «Слава Богу! все меньше остается и, Богъ поможетъ, къ вечеру все кончу; а завтра, когда зазвонятъ на «царскіе часы», отнесу и отдамъ батюшкѣ отцу Филиппу... Охъ, какъ онъ меня въ прошедшую недѣлю (воскресеніе) застыдилъ, когда, раздавши людямъ дару (антидоръ), послѣ обѣдн, вдругъ выкликаетъ меня: «Параскева Мироевна!...» Я и не опомнилась! думаю, что это не меня кличутъ, оглядываюсь на другихъ, а онъ повторяетъ: «Параскева Мироевна, панна сотниковна! сходите сюда». Нечего было дѣлать, пошла. Иду—и ноги не служатъ... а онъ и даетъ мнѣ узелъ и говоритъ: «Возьмите, доню, и поработайте на церковь Божию. Вычините это старенькое; можетъ, будетъ что прилично для употребленія въ храмѣ Господнемъ. Зная чистую душу вашу и усердіе къ святынѣ, увѣренъ, что вы безъ лѣности и съ непорочными мыслями снѣ займетесь». А я краснѣю, а я краснѣю! Свѣта Божьего не взвидѣла, и только, знай, цѣлую руку его... То уже

правда, что пристыдить при такомъ множествѣ!... И что-то народъ!.. Какъ они батиньку почитаютъ! Даже и мыѣ всегда даютъ дорогу и кланяются; а тутъ и еще больше начали меня шановать. И разступаются, и на другихъ говорятъ: «Отступися; панна сотниковна идетъ, несетъ церковныя вещи»; другой ко мыѣ заговариваетъ: «Воже выѣ помогай, панночка! потрудитесь для Вожіей церкви къ празднику святому». Иной вызывался нести узелъ за мною... «Благодарю Бога моего», проговорила она уже громко и перекрестясь, «что подчиненные любятъ батиньку, а чрезъ него и всѣхъ насъ... Ты, Господи, возлюби меня и удостой царства Твоего!» И она предалась, какъ привыкла, подобнымъ размышленіямъ.

Съ утра еще, какъ съѣла за работу, задумавшись и забывшись, начала было своиѣ серебряныѣ голосочкомъ пѣть какую-то пѣсенку; но вдругъ, вспомнивъ, какимъ дѣломъ занимается, вскрикнула: «Ахъ, Господи! что я сдѣлала?» и тутъ же, вскочивъ, положила три земныхъ поклона, моля Бога простить забывчивость и разсѣяніе ея; оградилъ крестомъ стѣны комнаты, чтобы отогнать искушителя, съѣла за работу, все сожалѣя, что при такомъ святомъ занятіи она допустила овладѣть собою свѣтскимъ мыслямъ.

Въ горницѣ, гдѣ сидѣла наша панна сотниковна, слышны были шумъ и голоса женщинъ, прибивав-

шихъ въ другіхъ, черезъ сѣни, комнатахъ, какъ обыкновенно передъ большіимъ праздникомъ. Голось хозяйки, пани сотниковой, слышенъ былъ изъ-за всего шума; но она не была брюзгливая хлопотунья, а благоразумная и взыскательная распорядительница, и все приказывала толкомъ, съ разсудкомъ, и отъ того дѣло шло очень успѣшно. Работающія женщины разсуждали между собою: «У другой «панен» и въ два дня того бы не сдѣлали, что у нашей пани сотнички въ одинъ ранокъ (утро) кончили, за тѣмъ, что съ толкомъ приказывается, и у нея одно другое не погоняеть».

И вотъ, пани сотникова, видя, что всѣ приборы кончены и все установлено по мѣстамъ, приказала Марьянѣ, ключницѣ своей, не отходившей отъ своей «панен», дать рабочимъ водки и позвать къ обѣду. «Смотри же—подтверждала она ей—чтобы всего было вдоволь, и чтобы люди не были голодны. Работы требуемъ, такъ надобно и имъ выгоды дать». Потомъ она вошла къ дочери, и тутъ же, изъ мѣдной лоханки, у дверей прибитой, умылася, обмыла пыль, павшую на лицо и руки ея, утерлася, пошла въ комнату (спальню и вообще домашнюю комнату), зашла за серпанковой пологъ и тамъ, не бывъ вовсе никѣмъ видима, еще старалась укрываться, перекрѣпляя свою головную шапочку (не пригоже, если бы кто, и даже изъ дѣтей ея, увидѣлъ ея голову, ни-

тѣмъ непокрытую), и вошла опять въ большую комнату, передъ маленькимъ, въ золоченыхъ рамкахъ съ зелеными по нимъ разводами, зеркальцемъ поправилась и, взглянувъ въ окошко, сказала:

— Не идетъ же Вася изъ школы, а уже пора обѣдать. У меня такъ много дѣла! Съ приборами управлялась, а послѣ обѣда надобно приниматься за другое: птицу приготовить на всѣ святки для себя и людей. Когда управлюся?

— Еще же, мамо, завтра цѣлый день, сказала дочь.

— Такъ завтра опять другое дѣло. Завтра «святъ-вечеръ»; надобно приготовить по закону, что для насъ, а что и для людей. Пока обдѣлю всѣхъ на «узваръ», такъ и утро пройдетъ; а мало ли и пироговъ надобно? Горпина же не можетъ помогать намъ, она будетъ готовить все нужное къ празднику. Вернется ли еще сегодня мой Миронъ Петровичъ?

— О! когда батинька сказали, что сегодня будутъ, такъ уже вѣрно будутъ; развѣ старшина зачѣмъ продержать, а все-таки къ такому великому празднику отпустить къ своимъ.

— Къ празднику? А каково же намъ будетъ, мнѣ безъ хозяина, а вамъ безъ отца, сѣсть за узваръ и кутью? Одинъ разъ въ годъ законъ исполняется. Кто живой дождетъ на тотъ годъ? Ужъ мнѣ эта служба! Вѣкъ нашъ пройдетъ, и не наживемся и не

навидается. То старшина призываетъ къ себѣ, то посылаетъ куда; а пуще всего какъ похоть скажутъ, такъ тутъ уже ни жива, ни мертва. Каково намъ было, какъ «по за-то-риѣ» (третьяго года) провозжала его съ казаками еще даже за Изюмъ, подѣ «Барвинкову Стѣнку»? И наплакалась, и нагоревалась, и всего передумала. Нѣтъ, Парася, довенька моя, какъ ты себѣ знаешь, а я не совѣтую идти за служащаго. Ты, по своему сердцу, не доживешь вѣку!

— Ой, мамочка-мамочка! развѣ-жъ вы не знаете моей натуры? Ни за что не пойду замужъ.

— Будто и можно тебѣ такъ прожить? Была молодежь, передумывала все; до двадцати лѣтъ стыдно было бы и помышлять о женихахъ; а вотъ, отъ первыхъ Парасковой (14-го октября) пошелъ тебѣ уже другой годъ на двадцать лѣтъ, такъ пора дѣтскіе вѣтры выкинуть изъ головы. Съ полгода, какъ я уже по-маленьку начала готовить тебѣ приданое. Кто знаетъ? иной не посмотритъ на твои молодыя лѣта, пришлетъ и въ этотъ мясоѣдъ людей; нечего будетъ дѣлать; намъ тебя не держать. Вонъ у тебя еще двѣ сестры растутъ.

— Мамочка-душечка! послѣ нѣкотораго молчанія, перекрестясь, начала говорить Парася, оставивъ свою работу и наклонивъ головку на лѣвое плечо, а правою рукою щипля свои пышныя уру-

башки и разными шелками вышитые рукава. — Теперь, какъ въ рѣчи стало, такъ я бы вамъ что-то сказала.

И сама же зарумянилась, какъ атласная алая юбка (корсетъ), что охватывала стройный станъ ея.

— Говори, доня, что у тебя на мысли, сказала мать.

— На мысли у меня то, мамочка, что я боюсь и открыть, и утаить, не рѣшивъ еще, благо ли это будетъ для меня и отъ Бога ли такая мысль?

— Открой мнѣ, и мы вѣстѣ разберемъ.

— Помните ли, какъ мы, года три назадъ, ходили въ Хорошевскій монастырь видѣть постриженіе пани Квитковой (изъ Лѣтописи).

— Она была замужемъ за бунчуковымъ товарищемъ паномъ Гамалѣемъ, да недолго пожила за нимъ. Какъ ходили наши казаки съ паномъ полковникомъ харьковскимъ, Квиткою, ажъ въ Персію, и онъ съ ними ходилъ, да тамъ и умеръ. А бѣдная вдова года три погоревала и постриглась въ монахини.

— Какая она молодая, богатая, хорошаго роду, а все оставила ради спасенія души своей.

— Вотъ и сестра ея такъ же поступила. Я очень хорошо знала панну Θεодосію, нашу-таки полковниковну. Благочестивая душа была! Не пожелала замужъ, оставила знаменитыхъ родителей, богатство,

*видимо
сидитъ*

все также презрѣла. А тутъ вскорѣ и другая сестра ей послѣдовала (изъ Лѣтописи же). Такъ, пожалуй, къ чему же это ты заговорила?

— Къ тому, маточка, что я при этомъ постриженіи и насмотрѣлась, и наплакалась!.. Что со мною тогда было, я не могу вамъ и рассказать. Я была какъ на небесахъ! Сердце во мнѣ горѣло, душа пылала и стремилась къ Богу; готова была тогда же кинуться къ архимандриту, который постригалъ госпожу Марію... а послѣ... а потомъ...

— Что же послѣ, что потомъ? договори уже, сказала мать съ безпокойствомъ.

— А потомъ... вотъ четвертый годъ, какъ у меня пламенное желаніе быть монахиней... Я прошу Бога утро и вечеръ, что, если угодна Ему моя жертва, благоволилъ бы принять ее и меня въ исполненіи укрѣпить. Если же я недостойна быть въ числѣ избранныхъ, то... сотворилъ бы со мною по волѣ Своей.

Съ изумленіемъ слушала мать слова дочери. Открытіе это было неожиданно, и она, полная благочестія, не могла, не смѣла и не знала, что отвѣчать; но глядя на иконы, какъ будто испрашивая наставленія свыше, сказала:

— Дѣло святое и великое ты задумываешь, доченька моя! Я своимъ женскимъ умомъ не смѣю тебѣ ничего сказать; только знай, что ты во мнѣ

всю кровь взволновала. Отсвѣтывать тебѣ и не пускать, боюсь, не будетъ ли въ томъ грѣха? Соголаситься ужасаюсь, понимая всю важность клятвъ, кои ты должна будешь произнести!.. И страшуся мысли разстаться съ тобой!.. А чтобъ не погрѣшить, не будемъ больше говорить объ этомъ. Приѣдетъ твой панъ-отецъ, отойдутъ праздники, тогда открой ему душу свою. Знаю, что и онъ не рѣшитъ ничего; такъ соберемся и пойдемъ въ Озерянскую пустынь, что за Мерефою, помолимся Богу и посоветуемся тамъ съ святыми отцами.

— Я и сама думала, маточка моя, совѣтоваться, съ кѣмъ только должно, но не прежде, какъ уже вамъ все открывъ. Я и духовному отцу, на исповѣди, не объявляла. Какъ же теперь сказала вамъ, такъ мнѣ стало легко на душѣ. Одной же милости у васъ попрошу. Позвольте мнѣ уже оставить всѣ наряды и убранства и во всѣ святки не ходить нигда по гостямъ, а сидѣть дома.

— Любая моя Парася! сказала мать, лаская ее и цѣлуя въ голову, — не дѣлай этого, и я тебѣ не совѣтую. Желанія и намѣренія твоего никто не знаетъ, а всѣ будутъ удивляться твоему затворничеству. Тебя же всѣ любятъ и почитаютъ первою между панночками. Не видя тебя въ своемъ кругу, пойдутъ толки. А какъ, не дай Богъ, пройдетъ какая слава? Дѣвичья слава — какъ стекло; и одно дыханіе наво-